

Так случилось, что в октябрьской книге Журнала Министерства народного просвещения за 1848 г. поместили сразу и очерк А.Красовского «Опыт истории Российской Академии от основания оной в 1783 г. по 1840 г.» и рецензию на «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. восходящего лексикографического светила XIX в. Измаила Ивановича Срезневского, вскоре принявшего на себя обязанности руководителя II Отделения русского языка и словесности. И.И.Срезневский писал о времени Е.Р.Дашковой: «Нельзя не удивляться, как много сделала Академия в один раз — академия, не сильная в своем составе опытностью филологической, не предупрежденная в своей деятельности никакими важными приговорительными трудами. Теперь... можно только с благодарностью вспоминать о благородной решимости членов академии, и, забывая о несовершенствах их труда, глядеть на него, как на начало ученой словарной разработки русского языка».

Он сумел сохранить и как бы воплотить в себе тот бескорыстный, высокопатриотичный и самоотверженный облик лексикографа, какими были его предшественники в стенах Академии Российской.

XVIII ВЕК — ВЗГЛЯД ИЗ XX ВЕКА

Так каким же был XVIII век, в котором был создан Словарь Академии Российской? Какие общественные импульсы легли в основу языковых изменений, потребовавших регламентации процессов, стихийно развивающихся у многомиллионного народа? Почему именно сейчас бурный XX век проявляет острый интерес к бурному XVIII веку, к периоду идей «вхождения в Европу»? И как распределялся этот интерес в течение XX века?

* * *

Язык и литература — два главных показателя в сложении культуры народа. Изучение литературных течений XVIII в. было далеко не равнозначно изученности литературных процессов XIX в. «Вся история новой русской литературы оказалась как бы разделенной на два больших периода, на грани которых стоял Пушкин. Получалось так, — сокрушался Г.Гуковский в обзоре 1933 г. «За изучение XVIII века», — что даже среди многих литературоведов-словесников канонизировалось невежество относительно русской литературы XVIII в. на том основании, что это еще не настоящая литература»¹. Сам Г.Гуковский начал цикл работ по XVIII в. изданием «Русская поэзия XVIII в.» (1927), статьей «К вопросу о русском классицизме» (1928). В статье «Русская критика от Ломоносова до Белинского» А.В.Луначарский считает век Екатерины, а вернее Ломоносова, «детством нашей литературы». Вот его оценки: «Оды — надменная чепуха», трагедии — «бездумная галиматья», если бы не «гордость нуждавшегося в их блеске двора» ... «Сколько бы морали ни содержалось в державинской литературе, — восклицает А.В.Луначарский, — все равно пить этот ужасный квас с примесью заграничного уксуса можно было только скрепя сердце, в иллюзорном сознании крайней его полезности»².

Гуковский был прав, когда говорил о подобных огульных оценках XVIII в. как «несчастных предубеждениях», опровергнуть которые способно только исследование материала, приведение его в известность и некоторую систему»³.

¹ Гуковский Г. За изучение XVIII века. 1933 // Литнаследие, 1969. № 9–10. С. 295.

² Луначарский А. В. Русская критика от Ломоносова до Белинского // «Очерки по истории русской критики». — ОГИЗ, 1929. С. 24.

³ Гуковский Г. За изучение XVIII века. 1933 // Литнаследие, 1969. № 9–10. С. 296.

«Приведение в известность»... Конечно, существовал Словарь Академии Российской в двух его вариантах — словопроизводном и азбучном — лучший источник, лучший памятник XVIII в. Но если в 1839 г. А.Красовский в Обзоре писал: «Словарь Академии, от издания первой части которого прошло почти шестьдесят лет, составляет уже редкое и весьма дорогое сочинение, которое осталось в немногих книгохранилищах»⁴, доступность его в начале XX в., когда революции и войны разметали не одну усадебную библиотеку, не одно книгохранилище в городах и весях, была затруднена. И только ли это причина безмолвия вокруг САР 1789 в трудах и литературоведов и лингвистов вплоть до 40-х годов XX в. И, тем не менее, первый номер источников по XVIII в. мы оставили бы за САР 1789.

Приводить что-то в известность и систему в 20–30-е годы XX в. приходилось неблизкими путями. Между Академией и властью отношения не были безоблачны (дело Платонова, Академическое дело и т.д.).

В 1934 г. вышли «Очерки по истории литературного языка XVII–XIX вв.» В.В.Виноградова. В 20-е годы они вместе с Г.Гуковским начинали работать в Отделе словесных искусств Государственного Института истории искусств. Книга В.В.Виноградова содержала ряд конкретных установок программного характера. В частности, интересны его соображения на тему о том, что между языком и литературой нет пропасти, более того, как пишет В.В.Виноградов, «в этом смысле литература — явление языка, составляющее основной предмет лингвистического исследования». Но историю литературы нельзя построить без литераторов, ибо законы языкового творчества «ярче всего выражаются в великих произведениях словесного искусства... В индивидуальном творчестве нередко раскрываются полнее и острее общие свойства и процессы языкового развития. Вместе с тем язык иногда, по словам В.Гюго, “колеблется от царственного шествия великих писателей”»⁵.

8 февраля 1934 г. на квартире В.В.Виноградова был обыск. Искали книжечку Н.С.Трубецкого «Основы русского мирозерцания». Ее автор, эмигрировавший из России князь, был ректором Венского университета и имел неосторожность разослать книжечки как подарок многим языковедам-славистам. В частности, также М.Н.Сперанскому, А.М.Селищеву, Г.А.Ильинскому... Проблемы русского самосознания и эта книжечка обсуждались чисто профессионально в окружении М.Н.Сперанского в связи с отбором источников и собиранием картотеки для древнерусского словаря (по одному из проектов — будущего «Исторического словаря русского языка XI–XVIII вв.»). М.Н.Сперанский был брошен на Лубянку и лишен звания академика, А.М.Селищев строил Беломорканал, В.В.Виноградов и Г.А.Ильинский отправлены в административную ссылку, где Г.А.Ильинский был впоследствии расстрелян. Идея обвинения по созданию русского националистического центра перерастала в дело славистов.

Все это наводит на мысль, что «Словарь Академии Российской», созданный княгиней Дашковой и элитой русского придворного общества (князья, графы, послы, тайные советники, министры) и авторами из духовной среды (три митрополита, семь протоиереев...), писателями и академиками, опекаемый Екатериной II, был в 20-е годы если не под негласным арестом, то «под подозрением», он как бы не был признан «по классовому составу» исполнителей, «забыт».

А в 1925 г. был нанесен удар по II Отделению русского языка и словесности — т. е. по бывшей Академии Российской. Идея слить II и III отделение и разделить все науки на «естественные» и «общественные» бродила давно, но она бы уничтожила, по существу, Отделение русского языка и словесности. Так и случилось, хотя ученые протестовали. В их страстном письме (от 1923 г.), хранящемся в фонде 172 М.Н.Сперанского в Архиве АН, читаю: «Момент для уничтожения под тем или другим именем является

⁴ Красовский А. Опыт истории императорской российской Академии от основания оной в 1783 году... Сочинение написано в 1839 году по просьбе А.С.Шишкова. Опубликовано в 1848 г. в ЖМНП. С. 21.

⁵ Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIV вв. // В.В.Виноградов. История русского литературного языка. —М., 1978. С. 161.

самым подходящим. Вот уже шесть лет как систематически уничтожается все русское, все национальное, как разрушаются все культурные и духовные ценности, тысячелетия русской исторической нации, когда русское имя вычеркнуто даже из названия государства. В такое время исключение из списков “русского отделения”, несомненно, будет встречено в известных сферах с нескрываемой радостью и удовлетворением... Гражданский долг, чувство гордости, одним словом, все то, что известно под опасным в настоящее время словом «патриотизм», заставляет громко протестовать против новой попытки еще в одном месте вычеркнуть русское имя. Наш долг — указать власти на недопустимость нанесения такого оскорбления русскому национальному чувству в мирной области наук». И все же Г.Гуковский, начавший разговор о XVIII в. своей монографией «Русская поэзия XVIII в.», получает право на подготовку истории русской литературы.

Десятитомная «История русской литературы» под редакцией Г.А.Гуковского и В.А.Десницкого⁶ осветила этот период, по крайней мере, с точки зрения состояния и развития литературных процессов, литературных жанров, литературных имен.

Советы В.В.Виноградова учли и наряду с теоретическими главами дали обстоятельные главы — персоналии — о В.К.Тредиаковском, А.Кантемире, М.В.Ломоносове, Я.Б.Княжнине, В.Петрове, М.М.Хемницере, В.А.Сумарокове и др. Эти очерки опираются на архивные материалы, содержат библиографию (в основном XIX в.). Но анализ данных Словаря Академии Российской и его роли в создании литературного языка нового времени отсутствует в десятичной «Истории русской литературы». Словарь просто упомянут в одном или двух местах (всего два абзаца).

Само понятие Нового времени и точка его отсчета в первой половине XX в. вызвали определенные споры. Тезис «эпоха Петра как начало Нового времени» оспаривался и в XIX в. А.Н.Пыпин считал, что «правильнее установить “переходный период” от древней к новой литературе, обнимающий без малого сотню лет от половины XVII в. до Ломоносова»⁷.

Как назвать этот период? Переход от позднего Средневековья к Новому времени? И литературой ли он определяется, хотя сетования «XVII век: проблема целостности литературной эпохи» (Т.В.Пахсарьян) и невозможность определить ее всю одним словом понятны. Каким может быть общий термин для второй половины XVII — нач. XVIII века «в свете ведущих закономерностей исторического развития эпохи?» — задается вопросом Ю.К.Золотов. И уверенно отвечает: «Раннее Просвещение»⁸.

Если мы исходим из формулировки *Век Просвещения*, не только нижняя, но и верхняя граница его выходит за пределы века, простираясь до Пушкина. Но в Раннем просвещении и в Просвещении с большой буквы основу составляют цивилизационные, культурологические преобразования. Реформы государственных деятелей — Петра I и Екатерины II носили и иной характер. А.И.Соболевский даже считает, что «в других областях жизни Петр произвел нечто похожее на реформу. В литературной области все осталось по-старому».

Вообще же в понятии Нового времени сплелись «мировоззренческая научная революция и те социально-политические, общественные, экономические, цивилизационные преобразования»⁹, которые действительно подготовил еще XVII в., вплоть до медленного нарастания интереса к делам Европы, как пишет

⁶ История русской литературы (далее: ИРЛ) / Под ред. Г.А.Гуковского и В.А.Десницкого. Т. I–X. —М.-Л., 1941–1947.

⁷ ИРЛ, т. III. С. 3.

⁸ Золотов Ю.К. Пуссен и вольнодумцы // Советское искусствознание, 1978. №2. С. 165.

⁹ Моисеева Г.Н. Древне русская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. —М.-Л., 1980. С. 8.

Г.Н.Моисеева, анализируя место древнерусской литературы в художественном сознании и исторической мысли XVIII в.

«Русь в XI—XII вв. была государством культурно равноправным среди других государств Европы. Лишь великое бедствие Киевской Руси, монгольское нашествие, временно ослабили живую связь с Западом»¹⁰. Расколовшееся пространство Руси в мелких междоусобных войнах теряло силы, ослабевали культурные связи и сама культурная жизнь. Именно в XV—XVI вв., когда наступило время сосредоточиться на собирании единого национального государства, в Московской Руси начала ощущаться замедленность развития культурной жизни. «Культурная кормилица России» Византия, «завоеванная турками, пала почти тогда же, когда Руси удалось освободиться от татарского ига»¹¹. В XVII в. еще удалось одолеть польскую интервенцию, но войны, рост недовольства экономическим положением, тяжестью налогов, правительством чиновников разрывали страну. Власть чувствовала себя непрочно, и церковь «в искании выхода из трудного положения уже не могла» оказывать на светскую власть большого влияния, «она сама погрязла в скверне невежества, корыстолюбия, и уже не могла обновить ветшающее “древнее благочестие”»¹².

В общественном строе того времени происходил ряд изменений. «Все шло к такой форме правления, при которой царь осуществлял права верховной власти всецело и нераздельно»¹³, потеснив власть церкви как начала, стремившегося догматически удержать жизнь, быт, литературу, язык, в классически неизменных канонах, ориентированных на прошлое величие. Даже в сер. XVIII в. писали о “церковных книгах, не изменяющихся никогда” и тем «классических» (В.К.Тредиаковский). Настолько в сознании и общественном обиходе сильно было церковнославянское влияние — почти основное русло русской книжности, питавшее язык литературы, государственных актов, приказной, посольской деятельности. Наука XVII в. была еще ориентирована на церковь: Киево-Могилянская Академия и Греко-славяно-латинская Академия вели преподавание на латинском языке, не без дискуссии и с западной наукой и с отечественными учеными о латинском или хотя бы церковнославянском языке как языке науки.

«“Культурная миссия” Запада на русском Востоке состояла в намерении поработить Восток через посредство религиозного объединения (унии)»¹⁴. Использовались все пути влияния, в том числе дискредитация славянской культуры, зарождающейся науки. Иезуиты и в позднем Средневековье могли сказать, как Петр Скарга: «Есть только два языка, — греческий и латинский, которые распространили веру во всем мире; помимо этих языков, нет другого, который мог бы быть пригоден для науки. Еще не было на свете Академий или коллегий, где бы философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались по-славянски. Со славянским языком нельзя сделаться ученым... На нем нет ни грамматики, ни риторики и быть не может»¹⁵.

А между тем риторическое искусство было достаточно хорошо обеспечено переводами и собственными исследованиями. Это и риторика 1620 г. (перевод Филиппа Меланхтона) и риторика Макария 1690 г., которая «красовито и удобно глаголати и писати научает».

А тогда в XVII в. раскол только усугубил положение обеих сторон церковной власти и духовных лиц. Слышнее других деятелей церкви был голос протопопа Аввакума. Хотя крупного литературного таланта, подобного Аввакуму, раскольничья литература уже не выдвинула, однако «жития, сказания», «послания»

¹⁰ ИРЛ, т. III. С. 4.

¹¹ ИРЛ, т. III. С. 5.

¹² ИРЛ, т. III. С. 7.

¹³ Моисеева Г.Н. Древне русская литература в художественном сознании и исторической мысли XVIII века. —М.-Л., С. 8.

¹⁴ ИРЛ, т. II. С. 5.

¹⁵ Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. —Киев, 1883. Т. I, Приложения. С. 150.

живут и в XVII в., и в XVIII в. Известен, например, сборник XVIII в. «Виноград российский, или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие». В литературе раскола стояли и за церковнославянский язык, выступая против латинизации языка церкви.

Книгоиздательское дело XVI—XVII вв. поддерживает возможности обращения к разным славянским истокам. «Букварь» Иоанна Федорова (1574 г.) содержал предисловие: «Сказание како составил Кирилл азбуку...». Оно входит и в Острожский букварь, где доказывалось, что славянский алфавит не хуже греческого, еврейского, латинского — все они восходят к одному источнику — алфавиту сирийскому, говорилось о преимуществах славянского перевода священного писания. В «Грамматике» М.Смотрицкого описаны возможности славянского языка: «на нем стихи Овидиевы можно писать не хуже как на латыни или греческом».

Силлабический стих Симеона Полоцкого (1629—1680), Феофана Прокоповича (1681—1736), использовавшего уже разный размер стиха, в том числе греческий гекзаметр, чтобы оставаться в рамках русского классицизма того времени, часто обращавшегося к образно-мифологической системе византийского мира. Однако перевод и прозы, и поэзии во многих жанрах требовал использования средств отечественного языка. Теоретические основы «Поэтики» («De arte poetica») Ф.Прокоповича, изложенные в лекционном курсе, прочитанном им в Киевской духовной Академии в 1704—1705 гг. на латинском языке, указывают пути обращения к национальному художественному опыту: в комедии, в идиллиях с незатейливыми героями и простой сельской обстановкой следует употреблять простые слова. «В стихах пастушьих...» «гордые слова, сложения высоки», «в лугах поднимут вихрь и возмутят потоки», — как напишет впоследствии А.П.Сумароков (перевод Буало). Надо, чтобы герой говорил не «низким, подлым» слогом, как крестьянин, но и не был бы похож «на придворного кавалера»¹⁶. В стихе Феофаном Прокоповичем ценится и красноречие, и элегантная простота. «Ведь поэзия есть искусство отображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни». Сам Феофан Прокопович был ритором, который с «славнейшими в мире ораторами равняться может»¹⁷. Но Феофан Прокопович в «Духовном регламенте» (1718—1720) беспокоится и о языке святоотеческих писаний. «Перевод их славянский стал темен» и для обученных, «а простым невежам отнюдь не постигаемый есть», так что само состояние церковнославянского языка вызывало беспокойство. Он не мог заменить латынь как язык науки, не мог исполнять и функций языка литературы. Известно немало произведений издревле писавшихся древнерусским литературным языком (Слово о полку Игореве, Сочинения Владимира Мономаха, Слово о погибели Русской земли, Задонщина и др.)¹⁸. Феофан Прокопович имел своих последователей среди церковных деятелей, для которых были близки интересы светской литературы и образования. Среди них, например, был священник Иван Сидоровский («Разговор Лукиана Самосатского» — пер. с греч., 1775), иеромонах Аполос (в мире А.Д.Байбаков), печатный учебный курс которого по теории словесности выдержал 10 изданий с 1774 по 1826 гг. Оба были членами Академии Российской.

В XVII в. выросло вообще количество переводов с иностранных языков, изменился и характер книг, избираемых для перевода. Переводятся научные руководства, сочинения по географии, истории, медицине и т. п. — рядом с книгами для занимательного чтения, беллетристической в нынешнем смысле этого слова. Расширяются взгляды на мир, на людей, на человеческое прошлое. Из хронографов, азбуковников и подобных им книг русский читатель получал некоторый запас сведений о классической мифологии, об антич-

¹⁶ Шешна Ю.В. Русская буколическая поэзия в России XVIII—нач. XIX вв. АҚД. —М., 2000. С. 21.

¹⁷ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Н. Новиков. —СПб., 1772.

¹⁸ Энциклопедический словарь. Русский язык. —М., 1999. С. 440.

ных литературах. Для него не были чужими имена Гомера, Вергилия, Овидия. Из хронографов он знал, что Овидиус, великий поэт, сослан был за море «тамо, иде же Перекоп»; в самом конце XVII в. «Метаморфозы» Овидия были переведены с польского, а затем еще раз переведены в 1709 г. с немецкого, как ранее переводились Помпоний Мела, Плиний Младший, басни Эзопа и др. Переводы космографий установили представления о частях света, рассказали о Колумбе, об Америго Веспуччи, о Васко де Гама, о европейских государствах и замечательных европейских городах. Зародился интерес к политической жизни соседей, близких и дальних. Новый мир чувств открывался и новая манера поведения прививалась переводными рыцарскими романами. Правда, говоря о переводной научной литературе, исследователи обыкновенно указывают, что в большинстве случаев переводились сочинения, утратившие на Западе научную ценность, что в то время как на Западе были уже Монтень и Бэкон, Спиноза и Лейбниц, Гюйгенс и др., — русские переводчики возились со «средневековым хламом». В известной мере это справедливо: но не следует забывать, что Спиноза и Лейбниц и на Западе были светочами лишь для немногих современников; их идеи проникали в читательскую среду и на Западе медленно, трудно, встречая порой ожесточенное сопротивление и преследование — вплоть до XVII в. Достаточно вспомнить хотя бы трудную судьбу Джордано Бруно или Галилея. Если мы вспомним, например, совершенное забвение самого имени Шекспира на Западе во второй половине XVII в., станем ли мы удивляться, что в театре царя Алексея Михайловича ставили не «Короля Лира», а «Темир-Аксаково действо»? Так было и в других областях литературы. И, тем не менее, почин был сделан.

Почин был сделан, но он мог бы на долгие десятилетия так и остаться почином, если бы не крутой поворот, произведенный Петром. Еще в XVIII в. князь Щербатов, публицист и историк, от эпохи Петра проводивший начало «повреждения нравов в России», высчитывал «во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть». Выходило, что надобно было бы семь поколений, двести десять лет, и тогда «преобразование России совершилось бы само собой...» примерно, к 1892 г.¹⁹

На этом литературном и общественном фоне развернулась деятельность Петра I. Она практически не коснулась литературы, но крутой поворот ею был сделан реформой орфографии 1708–1710 гг. и учреждением Санкт-Петербургской Академии наук. Картина Раннего Просвещения невозможна без учета этих событий, без имени В.К.Тредиаковского и М.В.Ломоносова и их деятельности в Академии наук.

В.К.Тредиаковский поступил на службу в Академию наук в 1733 г., где он собирался «трудиться по мере сил для изящества словесности на русском языке народившейся, а также... заботиться до изяснения правил грамматики, до поэтической игры, до блеска риторики и, наконец, заниматься переводами»²⁰. При учреждении в 1735 г. Российского собрания академических переводчиков «дабы радеть о возможном дополнении российского языка, его чистоте, красоте и желаемом совершенстве», В.К.Тредиаковский понимал, что не о едином тут чистом переводе старых и новых авторов идет речь, но и о грамматике «доброй и исправной». Адодуров такую грамматику начал писать. Занимала В.К.Тредиаковского и мысль о словаре, но события повернулись так, что многие намерения надо было проверять на своей писательской практике. И стало ясно, что в центре для него самого оказалась проблема «славянской основы русского языка» — языка церковнославянского, протест против «глубокословной славенщины» (ср. *глубокословие* — *суетумдрие*, *суетславию*.²¹). Он не отрицает роли церковнославянского языка только как языка конфессионального, но раскаивается, что раньше «им не только писывал, но и разговаривал»... «особым речеточцем

¹⁹ ИРЛ, т. III. С. 19–20.

²⁰ Материалы для истории имп. АН. Т. II. 1886. С. 380.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Ин-т рус. языка. — М.: Наука, 1977. С. 36.

хотел себя показывать»... «Ныне он [церковнославянский язык] жесток моим ушам слышится»... Он верит петровским начинаниям (реформа орфографии) и хотел бы их продолжить в более широком масштабе. «Езда во остров любви» и прибавления к ней в стихах (1730) написаны им на простом русском языке от собственного лица в простой сказовой манере. Там же, «где он воспроизводит слова Аполлона, обращенные к новобрачным, ...он переходит на церковнославянский»²². В более поздних переводах (1744) Тредиаковский стремился показать, что истинное витийство возможно «не употребляя слов мнимо высокого славянского сочинения»²³.

В «Слове о витийстве» 1745 г., произнесенном по случаю назначения В.К.Тредиаковского «профессором российской и латинской элоквиции», он отстаивает право русского языка быть также языком науки и образованности. Дальнейшее развитие получили его идеи в его художественной практике, в практике сотоварищей по литературному цеху.

В предисловии к «Тилемахиде» (1766) В.К.Тредиаковский уже как бы обобщает: «всякой речи должно иметь свои неровности: иногда ей надлежит быть высокою, но не напыщенной, а иногда простой, но не подлой, ложной, то вкус, чтоб везде и всегда украшать, распещрять и роскошествовать».

Вопрос о славянизмах (маркированных, не маркированных) сложен. Его решали и авторы грамматик того времени (такие, как Смотрицкий, Адодуров, Ломоносов) в своих научных трудах и художественных произведениях. Здесь нужно было веское слово ученого и зрелый творческий талант Ломоносова — поэта и ритора — и последовательность в собирании и описании различных лексических пластов для обобщения их в словарном собрании. Фигурой Тредиаковского кончается период Раннего Просвещения. М.В.Ломоносов начинает Век Просвещения. «Наша Академия наук, — напишет в XX веке С.И.Вавилов, — получила свое бытие и смысл только через М.В.Ломоносова»²⁴. Среди его естественнонаучных работ и отчетов в 1743 г. появилось «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия сочиненное». Однако академик Миллер, тогдашний глава Академического собрания, отверг его: «Автору следует написать ее на латинском языке, расширить, и присовокупив русский перевод, представить в Академию». Латинь и немецкий язык господствовали тогда в Академии. И эта Риторика не увидела свет до 1748 г., когда появляется «Краткое руководство к красноречию» (1748). Оно тоже было написано по-русски и содержало правило красноречия. Оно выдержало 7 изданий в XVIII в. и 2 в начале XIX в. В 1755 г. появляется большой труд «Российская грамматика». «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики», — убеждал М.В.Ломоносов в Предисловии к ней.

«Российская грамматика» основывается на славенороссийском языке, т. е. книжном русском языке, но уже не церковнославянской формации. В ней нет форм склонения типа *руц#*, *ноз#*, нет нескольких прошедших времен глагола, рекомендуется не *явльшийся*, а *явившийся*, не *рождший*, а *родивший*. Грамматика имеет в виду в первую очередь средний стиль, устанавливавшийся общерусский стандарт. Конечно, высокому стилю тоже уделено внимание в разграничительных правилах типа «*Ея* в просторечии, *ея* в штиле употреблять пристойнее». Ломоносов против обветшалых славенских слов и форм типа *рясны*, однако, он понимает, что кроме обиходной речи в общероссийский стандарт литературного языка всегда будет встроены язык литературы в его классических образцах разных жанров, всегда будет востребован круг средств высокого штиля. «Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных». Труд М.В.Ломоносова «О пользе книг

²² Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII—нач. XIX века. —М.: Изд. Моск. Ун-та, 1985. С. 79.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ Вавилов С. И. Собрание соч. —М., 1956. Т. III. С. 577.

церковных» (1758) призывает не отвергать «славенизмы», но найти применение в разных стилях речи и литературы. «Судьба неассимилированных славянизмов в русском литературном языке стала зависеть от судьбы высокого стиля в самой литературе»²⁵.

Нужно было теперь обозреть богатства живого языка, письменных источников и произведений литературы, собрать лексику и составлять словарь, который помог бы, не оттолкнув «чужое», дать простор основному словотворческому процессу, отработать слог трактата, оды, простого документа, бытового письма. Надо было подумать, как «усыновить» то, что входит в круг интересов общества вместе с кругом новых понятий, с развитием цивилизации и культуры, с описанием природы, нравов, обычаев своего отечества.

Занятый в разных сферах науки в Академии, он, пользуясь обширным кругом западноевропейской терминологии, своими трудами способствует созданию и утверждению научной терминологии там, где считает это необходимым. В его работах есть *зрительная труба* (*tubus opticus*), *опыт* (*examen*, *experimentum*), *явление* (*phaenomen*) и *горизонт*, *экспедиция*, *сфера*, *дирекция* (направление). Естественно-научные термины нередко создавались на базе старославянских слов и форм. При изучении строения дерева, например, кроме известных старых слов *кора*, *заболонь* на границе XVIII—XIX вв. появилось слово *древесина*²⁶, оно не вошло в словарь САР 1789, хотя слово *древесина* присутствует в речениях и примерах.

Известно, что сам М.В.Ломоносов как поэт в своих одах часто прибегал к ветхозаветным образам (как многие поэты его окружения), используя для создания пышности, величия стиля церковнославянскую лексику в разных фонетических и морфологических вариантах («Открылась бездна звезд полна, звездам числа нет: нет, бездне дна»); *зреть*, *зрак*, *днесь*, *внушить* (сделать слышным), *мечта* (призрак: «мечту стоящу я спросил»), *восхитить* (взять на небо: «смерть восхитила его от нас»), *течь* — идти (от В.Петрова: «Геройства росс на подвиг тек» до А.С.Пушкина: «И раб послушно в путь потек и к утру возвратился с ядом»), много греческих типа *понт*, *нектар*, либо пришедших из греческого через старославянское словосложение *златострунный*, *громогласный* и т. д.

В «Риторике» Ломоносов делает, отчасти исходя из теории «трех штилей», множество примечаний о сочетаемости слов и форм типа: об идущем дожде нельзя сказать *небо плюёт*, ибо это слова двух разных стилистических слоев; нельзя сказать *ангельского гласу*, только *гласа*, но *птичья голосу* и т. д. Царственная поступь Ломоносова — ученого-писателя, поэта задавала тон в том созвездии поэтов, которые шли за ним. Он предугадал расцвет классицизма и предугадал возможные пути изменений. В книге Новикова о нем: «стихотворство и красноречие столь великую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов»²⁷.

Но наплыв народно-разговорной лексики в течение всей второй половины XVII в. постепенно изменял приемы отстранения высокого, славянизмы архаизировались или стерлись, адаптировались, перестали играть роль живой стилистической категории в литературном произведении. Русский классицизм перестраивался.

Возможно, и внешние события играли свою роль. Послепетровская эпоха и спад государственно-важных преобразований изменили назначение высокой поэзии, элегический настрой в литературе. Внимание

²⁵ ИРЛ, т. IV. С. 105.

²⁶ Богатова Г.А. К истории слова *древесина* // Историческая грамматика и лексикология русского языка: материалы и исследования. — М., 1962. С. 201—211.

²⁷ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Н. Новиков. — СПб., 1772.

к простой сельской жизни, к настроениям отдельного человека выдвинули на первый план героев «пастушек и пастушков». Последующий указ о предоставлении вольностей дворянству сделал не службу, не должность чем-то привлекательным, а жизнь в усадьбе: французские романы и простую речь поселян. Изменялась и речь дворянства. В Державинских стихах высокая лексика в такой близости с просторечием («простря сафирны крылы» и рядом «и сажей не марают рож»), что наступает опрожнение самих поэтов. И о том же дожде с небес он пишет совсем натуралистично: осень «подняв перед нами юбку, дожди, как реки, прудит».

«Языковой хаос Третьяковского был выражением той хаотической разладицы и неустройства, которые господствовали в языке послепетровской литературы до Ломоносова. Языковой и жанровой «хаос» Державина возникает в результате разрушения им того порядка и строя, который внесли в литературу Ломоносов и Сумароков...»²⁸. Но это был один из этапов и серьезных поворотов Нового времени. Началась екатерининская эпоха: служение отечеству, работа для истории отечества, описание его пределов в ученых путешествиях и экспедициях, значимость литературы в делах по обустройству молодой державы и обеспечение ее европейского реноме. «Почему в России почти нет культуры красноречия?» — ставит вопрос Фонвизин в «Друге честных людей», и отвечает: «Никак нельзя положить, чтобы сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобно ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, какие витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия... награждается... Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский... в Риме были бы Демосфены и Цицероны». Для Фонвизина, писатель «страж общего блага», «полезный советодатель государю и передовой деятель просветительского движения»²⁹. Так и Фонвизин, и Державин оказались среди тех, кто ставил своей задачей очищение и регламентацию русского языка через собирание и маркирование лексики своей эпохи. Словарь Академии Российской стал тем «народным собранием», которое витиям нашего отечества «большую дверь к славе отворило». Лучшим из них, в том числе награжденным золотой медалью Екатерины Великой в каждом из томов мы посвящаем раздел «Российскому слову, отличную пользу принесшему».

Новый синтез литературного языка на основе и Словаря, и писательской практики определяли уже именем Н.М.Карамзина и А.С.Пушкина.

Таков был XVIII век, таким его видели и видят наши исследователи-словесники (в XVIII в. предпочитали литературу и литературоведение называть словесностью) — Гуковский, Виноградов, Благой, Кусков, Горшков, Успенский, Живов, Курилов.

Таким XVIII в. был представлен в Словаре Академии Российской, оставшемся практически неизвестным первой половине XX в., но высокоценный знатоками. В хрестоматии «Отечественные лексикографы» в очерке о В.В.Виноградове В.И.Аннушкин пишет так: «Научный стиль В.В.Виноградова содержит множество элементов торжественной, эпидейктической речи. Именно торжественной речи присуща яркая оценочность. Эта оценка совершенного деяния, рождающая, по Ломоносову, ... радость от получения добра». Например, оценка: «Словарь Академии Российской — один из замечательных трудов в русской лексикографии».

* * *

²⁸ ИРЛ, т. IV. С. 416.

²⁹ ИРЛ, т. V. С. 192.

В 1941 г., вернувшись из ссылки к активной работе в Москве, В.В.Виноградов в статье «Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVII—XIX вв.» высказывает мысль о создании особого словаря XVIII века. Эта мысль не забылась в войне, и практически с 50-х г. началась работа. Теоретическую разработку и подготовку делает Ю.С.Сорокин в статьях и книгах: «О словаре русского языка XVIII века» (1965), «О задачах изучения лексики русского языка XVIII в.»³⁰, и знаменитой работе «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 годы XIX в.» В совместной с Л.Л.Кутиной статье «Словарь русского языка XIX века», Ю.С.Сорокин отмечает, что у нас по-настоящему нет «истории русского языка нового времени, так как нет истории литературной нормы, на которой могла бы строиться надежная периодизация». Этот проект закончен уже после смерти Л.Л.Кутиной и Ю.С.Сорокина и утвержден к печати³¹. Так во второй половине XX века решаются вопросы о языке нового времени и о приближении его языковых фактов к нашему времени. Идеи из статьи В.В.Виноградова 1934 г. развитые его учеником Ю.С.Сорокиным на новой словарной основе успешно реализованы в Словаре русского языка XVIII в. Почти два десятилетия ушло на создание картотеки, выписку цитат и монографическое изучение эпохи; изучение эпохи небольшим ленинградским коллективом ученых началось со Словаря Академии Российской: со статьи Ю.С.Сорокина «Разговорная и народная речь в “Словаре Академии Российской”» (1949), «Очерков по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования» (1942) трех авторов: Е.Э.Биржаковой, Л.А.Войновой, Л.Л.Кутиной. Конференция предшествовала итоговому сборнику «Словари и словарное дело в России XVIII в.»³² со статьями Л.Л.Кутиной «Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской», В.В.Замковой «Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремесел)», И.М.Мальцевой «Локализмы в Словаре Академии Российской».

В 1977 г. вышел Проект Словаря русского языка XVIII века. Материалы словаря отражают речевую деятельность трех поколений XVIII в. Статьи отражают динамику нормы, дают первичные сведения об этимологии слова. Это один из лучших наших исторических словарей. В 1984 г. вышел в свет его первый том. В.В.Виноградов скончался в 1969 г., Ю.С.Сорокин — в 1990 г., когда выходил 5-й том словаря. Словарь продолжает выходить. Обширен список его источников, обширна литература о XVIII веке.

Библиография книжного дела по XVIII в. велась и в XIX в. Писавшие об истории Академии Российской и ее словаре опирались на них:

Опыт Российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года, собранный из достоверных источников Василием Сопиковым, напечатан в С.-Петербурге в Четырех частях в 1813—1816 гг.

Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Сочиненное... Преосвященным Евгением, митрополитом Киевским. В 2-х частях, в 1827 г. (Среди 268 духовных писателей отмечены 17 членов Академии Российской).

Роспись российским книгам библиотеки Александра Смирдина систематическим порядком расположенная. В 4-х частях. С.-Петербург, 1828 г.

Первый том Энциклопедического лексикона. С.-Петербург, 1835 (в букве А — Академия Российская, с. 327—328).

³⁰ Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). — М.-Л., 1966.

³¹ Попов И.А. Юрий Сергеевич Сорокин (1913—1990) // Отечественные лексикографы XVIII—XX вв. / Под ред. Богатовой Г.А. — М.: Наука, 2000. С. 374—375.

³² Словари и словарное дело в России XVIII в. — М.-Л., 1980.

Красовский А. Опыт истории императорской Российской Академии от основания оной в 1783 году... Сочинение написано в 1839 году по просьбе А.С.Шишкова. Опубликовано в 1848 г. в ЖМНПр.

Пекарский П. Наука и литература при Петре I. 1862. Т. 1–2.

Затем в XX в. традиция почти прервалась, по поводу чего и сетовал Г.Гуковский. Практически известны Ю.Ю.Батов «Редкие русские книги и летучие издания XVIII в.», 1905, «Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны. 1741–1761» под ред. П.Н.Беркова, 1935. В 1927 г. вышло исследование Гуковского «Русская поэзия XVIII в.», а почти одновременно с Гуковским внимание к XVIII в. привлек В.В.Виноградов своей монографией 30-х годов: «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.», 1934 г.

В дальнейшем уже практически во второй половине XX века библиография хорошо представлена в истории русской литературы и поэзии разных лет. Это десятитомная «История русской литературы» (1941–1947); «История русской литературы» в 3-х томах под ред. Д.Д.Благого. Т. 1. М., 1960; «История русской литературы XVII–XVIII вв.», М., 1969; «История русской литературы» в 4-х томах. Т. 1. Л., 1980; «История русской литературы XVIII в.» под ред. Орлова, Л., 1991; обширный четырехтомник «Из истории русской культуры», М., 2000, где помещены крупные работы Ю.М.Лотмана, Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, Б.А.Успенского, В.Н.Топорова, а также статьи по истории и типологии русской культуры В.М.Живова, С.И.Николаева, М.Б.Плюханова и др. Интерес представляют и книги персоналий: вышедшие одновременно «Отечественные лексикографы XVIII–XX вв.», М., 1999 и С.С.Илизаров «Деятели науки и просвещения Москвы XVIII–XX вв. Московская интеллигенция XVIII века в портретах и характеристиках», М., 1999.

Во второй половине XX века возобновились работы по сводному каталогу русской книги XVIII в., где зафиксированы и описаны все книги и журналы, которые вышли в России за это столетие. В первую очередь они состоят из «Описания изданий гражданской печати 1708 — янв. 1725» (1955), «Описания изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — янв. 1725 г.» (1958), объединяемых в «Описании изданий, напечатанных при Петре I». Продолжением этой серии служит «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800»³³ со специальным томом «Дополнений и приложений» (1975). В 1986 г. вышла в Академии наук книга В.П.Вомперского «Словари XVIII века». В 2000 г. вышла книга о словарниках «Отечественные лексикографы XVIII–XX вв.» под ред. Г.А.Богатовой.

* * *

На этом новом библиографическом фоне и фоне исторического Словаря русского языка XVIII в. издание Словаря Академии Российской откроет специалисту многое из того, что называют дыханием века. Гюго принадлежат слова: «Великие люди сами сооружают себе пьедестал, статую воздвигнет будущее». Наш редакционный совет принимается за эту работу. Мы издаем памятник отечественной лексикографии, памятник великим лексикографам-первопроходцам.

Г.А. Богатова

³³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. 1–5. —М., 1962–67.